

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.10>

Медведев Владислав Валентинович

[Идентичности студенчества регионального университета: опыт этнологического мониторинга](#)

В статье впервые представлен анализ исследования новых возможностей этнологического мониторинга. Показан опыт проведения мониторинга применительно к студенческой среде в контексте выявления проблем идентичности и этнокультурного сознания. Результаты продемонстрировали суждения студентов о вопросах этничности, знании родного языка и функционировании этнической культуры. Представлены характеристика идентичности и культурные практики, свойственные студенчеству. Сделан вывод о том, что этнологический мониторинг позволяет осуществление анализа текущего состояния студенчества и воспроизводит потенциальные сценарии межэтнических и межкультурных коммуникаций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/4/10.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 55-60. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/4/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

20. **Томск и томская земля в мемуарах и путевых записках конца XVII – начала XX в.:** аннотированная библиография / науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 36 с.
21. **Чуркин М. К.** Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 2 (2). С. 81-85.
22. **Юбин Ф. А.** Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны и педагогического труда Юбина Флегонта Афанасьевича // Я вам, родные, излагаю быть...: сборник мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Издательство ЦНТИ, 2019. С. 94-194.

Siberian Village Image in Recent Memoirs of Tomsk Region Residents

Goncharova Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
gia.76@mail.ru

The article examines the Siberian village image represented in the memoirs of Tomsk region residents of the last quarter of the XX – the beginning of the XXI century. The analysis of the memoirs texts has allowed identifying the following key characteristics of the Siberian village image: highly positive perception of Siberia as a native land, constant growth of rural population (voluntary and forced resettlers). The Siberian village is described as a territory of successful cross-ethnic interaction in different spheres; the Siberian peasant is depicted as an industrious person capable to overcome any ordeal and responsive to others' suffering.

Key words and phrases: image; Siberian villages; memoirs text; memoirs; Tomsk region.

УДК 93/94; 394.014; 316.48

Дата поступления рукописи: 26.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.10>

В статье впервые представлен анализ исследования новых возможностей этнологического мониторинга. Показан опыт проведения мониторинга применительно к студенческой среде в контексте выявления проблем идентичности и этнокультурного сознания. Результаты продемонстрировали суждения студентов о вопросах этничности, знании родного языка и функционировании этнической культуры. Представлены характеристика идентичности и культурные практики, свойственные студенчеству. Сделан вывод о том, что этнологический мониторинг позволяет осуществление анализа текущего состояния студенчества и воспроизводит потенциальные сценарии межэтнических и межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова и фразы: этнологический мониторинг; межэтнические коммуникации; студенчество; идентичность; этничность; культурные практики; традиционная культура.

Медведев Владислав Валентинович, к. ист. н.
Сургутский государственный педагогический университет
vlad.etno@mail.ru

Идентичности студенчества регионального университета: опыт этнологического мониторинга

Преобразования традиционной культуры этнических групп, проживающих на территории современной России, хронологически взаимосвязаны с рубежом XIX-XX столетий и далее с периодом установления советской власти. В первом случае трансформации приходят в традиционный образ жизни и мировоззрение в результате проникновения городского уклада как следствия трудовой деятельности части сельского населения в промышленных центрах и интеграции сельчан в городское пространство. Одежда, предметы повседневности, домашняя мебель всё в большей степени подвергаются унификации, тем самым нивелируя этническую специфику и отличия. Во втором случае следует рассматривать создание советского общества, подразумевающего «советизацию» традиции и культуры конкретных этнических групп. Данный процесс продемонстрирован в сознании и культурных практиках, отражением чего служат антропонимы, ойконимы поселений, песенное и устное творчество, материализованная культура и сферы жизнедеятельности [3; 8, с. 187-188].

Традиционная культура, естественно, не исчезла и продолжила своё функционирование и на рубеже столетий, и в советский период. Традиции, уклад и культурные практики представлены по настоящее время. Но при этом следует понимать, что мы имеем дело с иными проявлениями и формами культуры, являющимися своеобразными наследниками традиции, уже подвергшимися значительной трансформации и продолжающими испытывать влияние современности.

Актуальность работы определена востребованностью в нашем обществе знаний и компетентности в вопросах, отражающих уровень этничности, формы и типы этнической идентичности, отношение к этнической культуре, в том числе среди студенческой молодёжи как наиболее динамично развивающейся категории социума.

Научная новизна статьи заключается в том, что до настоящего времени методика и механизмы осуществления этнологического мониторинга, практикуемые для проведения экспертизы среди конкретных этнических групп разных регионов России, не были применены по отношению к студенческой среде, представляющей собой достаточно полиэтничное и поликультурное сообщество. Анализ результатов мониторинга позволяет выделить и определить маркеры идентичностей студенчества.

Целью данной статьи являются исследование и характеристика маркеров идентичности студенчества регионального университета в контексте этнологического мониторинга.

Задачи статьи:

- определить возможности этнологического мониторинга среди студенческой молодёжи при изучении вопросов этничности и культуры;
- проанализировать результаты этнологического мониторинга студенчества Сургутского государственного педагогического университета;
- охарактеризовать маркеры, идентифицирующие сознание студенческой молодёжи и отражающие знания о традиционной культуре, языке и этничности.

Рассуждения о бытовании в наши дни традиционной культуры, а точнее «традиционной этнической культуры», подразумевающие только традиции и элементы, зародившиеся в доиндустриальный период развития этноса, будут некорректны. Мы наблюдаем «этническую культуру современности», включающую наряду с предыдущей культурой вариативно адаптированные к нуждам и ценностям этноса инновации, являющиеся в том числе результатом интернационального взаимодействия [1, с. 268-269].

Примером преобразования народной культуры в период советизации служит создание «красного календаря», объединяющего памятные события революции и отредактированное содержание традиционных праздников. Так, на территории Башкирской АССР в 1920-х гг. начинает действовать новый формат праздничных торжеств: комсомольские *Рождество* и *Пасха* – для православного населения (русские, украинцы, белорусы), комсомольские *Ураза-байрам*, *Курбан-байрам*, *Мавлют-байрам* – среди мусульман (башкиры, татары), а для сохранявших традиционные воззрения / folk religion марийцев – комсомольские *Семык* и *Кусо* [4, с. 16].

Не менее показательным примером преобразования традиции являются этнокультурные процессы, протекавшие в период «этнического ренессанса», характеризующиеся стремлением «переосмыслить» историю, культуру, самосознание и как результат поиска истины обращающиеся к «истокам» народной культуры с целью консолидации народа и самоидентификации.

В процессе реконструкционной деятельности группы этнографов и историков, творческой интеллигенции и музейных работников, сотрудников общественных организаций и всех причастных к изучению народных традиций и культуры создают стандартизированные клише сценарных планов и программ мероприятий, воспринимаемых зрительской аудиторией как праздничное/обрядовое действо, соответствующее канонам этнической культуры. Таким образом, традиционные праздники приобретают характеристики и стандарты, отвечающие массовой культуре, то есть имеют преобладающие развлекательный и увеселительный компоненты [17, с. 163].

Именно под видом реконструкции, регулярно наполняемой различными заимствованиями, нередко имеющими иноэтничное происхождение, нам известны представленные сегодня этнокультурные торжества. Например, праздник в связи с началом весеннего сева у чувашей *Акатуй* – *ака* + *туй* «сев + пашня», пользующийся наибольшей популярностью среди народа, давно перестал отвечать изначальному предназначению. Последние традиционные *Акатуи* этнографы соотносят с концом XIX столетия [11, с. 35-37].

Конкретизированный пример воссоздания традиции представляет хакасский скотоводческий праздник *Тун-пайрам* – праздник в честь первого айрана [2, с. 26-28]. Он был возрождён в 1980 г. и приурочен к 50-летию Хакасской автономной области. Инициировали событие этнограф В. Я. Бутанаев, журналист Ю. Н. Забелин, политик В. Н. Штыгашев, а также другие деятели искусства, науки и партийно-государственного управления. В настоящее время *Тун-пайрам* является ежегодным праздничным действием, принимающим новые формы демонстрации этнической культуры хакасов.

Вопросы традиционной культуры и этнического самосознания актуальны не только на момент проведения народных праздников, но и в повседневности [9]. Востребованными они являются и для студенческой среды – очень динамичной и наиболее противоречивой категории нашего социума. Студенческая молодёжь достаточно мобильна, открыта для знания и нового опыта, но одновременно с этим данная группа подвержена воздействию, провокациям и рискам.

Апробированным способом взаимодействия со студенчеством служит проведение мониторингов, экспертиз, опросов [6; 14]. Подобная форма работы позволяет получить ответы от значительного числа респондентов и, опираясь на результаты, осуществить исследовательскую деятельность с последующим созданием научной продукции. В Сургутском государственном педагогическом университете в 2018-2019 учебном году в рамках дисциплины «Основы межэтнических коммуникаций» был осуществлён этнологический мониторинг обучающихся первых курсов всех факультетов университета.

Дисциплина «Основы межэтнических коммуникаций» консолидирует теоретико-методологические принципы и содержательные компоненты разных наук – антропологии, этнологии, этнографии, истории, политологии, психологии, лингвистики и т.д. Её предназначение заключается в конструировании связи между теорией и практико-ориентированными действиями студенчества, направленными на нивелирование межэтнических противоречий [7]. В учебных планах реализуемых направлений подготовки актуально наличие

дисциплин гуманитарного профиля по изучению истории, этнологии, языков, культурно-нравственных аспектов религии, развивающих навыки созидательно-критического мышления и позволяющих преодолеть стереотипность мировоззрения, ксенофобские настроения, а также осуществить поиск ответов на вопросы, затрагивающие самоидентификацию и самосознание [13, с. 87].

Этнологический мониторинг предполагает способность оценивать межэтническую и социально-культурную ситуацию в полиэтничных пространствах и социуме с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия, а также определения существующей либо возможной угрозы конфликта и выявления потенциальных рисков. Результаты этнологического мониторинга позволяют междисциплинарное осмысление и поиск способов решения наиболее сложных проблем современности, в том числе улучшения межэтнических отношений и предупреждения этнических конфликтов [15, с. 6-7]. Примерно в половине субъектов России эксперты регулярно осуществляют этнологический мониторинг, публикуя результаты в форме аналитических докладов, анализирующих текущие этнические процессы и прогнозирующих пути урегулирования конфликтов [5, с. 130].

Этнологический мониторинг актуален для конструирования и реализации инвестиционных проектов. Работы по этнологической экспертизе, этнологическому мониторингу и этнологическому аудиту при воплощении проектов могут способствовать выявлению этнических и социальных аспектов развития региона. Например, потенциал этнологического мониторинга проектов в управлении природопользованием мы наблюдаем на материале Республики Саха (Якутия) [10].

Своевременность подобных этнологических исследований отражает и образовательная среда. Так, в Санкт-Петербургском государственном университете реализуется программа магистратуры «Этнологическая экспертиза», предполагающая подготовку специалистов, способных осуществлять этнологический мониторинг и этнологическую экспертизу, анализировать состояние межэтнических процессов и коммуникаций, решать проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия, прогнозировать состояние/сохранение этнической культуры и этнокультурного наследия народов России.

Содержание проведённого среди студенчества мониторинга затрагивало проблемы этничности, языковой самоидентификации, сохранения традиционной культуры в современности и бытования её компонентов в повседневности. Согласно «Модели этнологического мониторинга», оценке подверглись категории «Культура, образование, информация», индикаторы – культурное доминирование, религиозная жизнь, языковая ситуация, традиционные праздники и обряды, исторический дискурс, а также «Контакты и стереотипы», индикаторы – этнические стереотипы, изменения в самосознании [12, с. 21-22].

Выборка респондентов, вовлечённых в этнологический мониторинг, составила 128 человек – 68,8% девушки и 31,2% юноши. Возрастные категории: 2,3% – 17 лет, 57% – 18 лет, 32,1% – 19 лет, 5,5% – 20 лет, 2,3% – 22 года, 0,8% – 24 года.

Собственная принадлежность к конкретному этносу и её значение для респондентов выглядят следующим образом: для 33,1% это является действительно важным и определяющим фактором; 38,6% считают это значимым, но не всегда актуальным и нуждающимся в дополнительном акцентировании; для 28,3% респондентов личная этническая принадлежность безразлична и не представляет интереса.

Следует отметить, что этническая палитра студенческой молодёжи, принявшей участие в мониторинге, достаточно разнообразна и презентует виды нормальной идентичности, то есть причисления себя к конкретной этнической группе и устойчивой ассоциации с данной группой, и смешанную (в нашем случае двойную) идентичность как результат межэтнического союза родителей. Примечательно, что в подобных семьях самоидентификация может осуществляться по-разному – в пользу отца или матери, а также зависеть от конкретных ситуаций.

В количественном отношении совокупность опрошенных представлена следующим образом: русские – 76 респондентов, татары – 9 респондентов, украинцы – 6 респондентов, башкиры – 3 респондента, лакцы – 3 респондента, азербайджанцы – 2 респондента, армяне – 2 респондента, лезгины – 2 респондента, таджики – 2 респондента, даргинцы – 1 респондент, киргизы – 1 респондент, марийцы – 1 респондент, манси – 1 респондент, немцы – 1 респондент, ногайцы – 1 респондент, поляки – 1 респондент, талыши – 1 респондент, ханты – 1 респондент. Кроме того, были отмечены представители таких этнических сообществ, как русские/украинцы – 5 респондентов, русские/татары – 2 респондента, русские/марийцы – 1 респондент, русские/молдаване – 1 респондент, русские/немцы – 1 респондент, русские/чуваши – 1 респондент, даргинцы/кумыки – 1 респондент. В двух случаях приведены достаточно абстрактные ответы: славянин – 1 респондент, метис – 1 респондент.

Результаты и цифры презентуют актуальность этничности в современности. В условиях культурного единообразия и процессов глобализации этничность позволяет выразить «собственную уникальность и соприкоснуться с традицией» [16, с. 119]. Мониторинг подчеркнул значимость вопросов этничности для студенческой среды как маркера идентичности.

Среди языков, считаемых респондентами «родными», особо был выделен русский язык – 83,6%. Последовательно расположились лакский язык – 2,4%, украинский язык – 1,6%, лезгинский язык – 1,6%, таджикский язык – 1,6%, а даргинский, марийский, ногайский и татарский языки – по 0,8% соответственно. В этнически смешанных семьях понятие «родного» языка представлено языковыми группами родителей: русский и татарский языки – 1,6%, русский и азербайджанский языки – 0,8%, русский и армянский языки – 0,8%, таджикский и абазинский языки – 0,8%. Несколько выходящими за рамки предполагаемых результатов выглядят ответы 2% участников мониторинга, указавших в качестве «родного» английский язык.

По степени владения родным языком следует выделить ответы 78,9% респондентов, считающих себя владеющими им свободно. Использование родного языка с затруднениями – ответы 13,3% респондентов,

а со значительными затруднениями – 3,1% респондентов. Непонимающими родного языка обозначили себя 4,7% студентов.

Интерес вызывают ответы на вопрос «На каком языке / каких языках Вы разговариваете дома?», поскольку они позволяют подтвердить/опровергнуть ответы респондентов об этнической принадлежности и родном языке. Повседневными языками общения служат русский – 88,8%, азербайджанский – 0,8%, даргинский – 0,8%, лезгинский – 0,8%, марийский – 0,8%, татарский – 0,8%, украинский – *суржик*, то есть разговорно-бытовой стиль речи, включающий украинско-русское двуязычие – 0,8%. Билингвизм свойственен русско-лакскому языкам – 1,6%, русско-даргинскому языкам – 0,8%, русско-таджикскому языкам – 0,8%, русско-украинскому языкам – 0,8%. Респонденты также отметили русско-украинско-татарское многоязычие – 0,8%. Кроме того, заслуживают внимания такие ответы, как «на армянском чаще, чем на русском» – 0,8% или «на родном и на русском» – 0,8%.

Среди элементов традиционной этнической культуры, бытующих в современности, респонденты выделили достаточно абстрактные категории: «праздники и традиции», «присутствуют различные элементы культуры: в одежде, питании, праздниках», «еда, музыка, праздники и т.д.», «традиции, праздники, блюда», «в питании, одежде, традициях, религии», «танцы, фольклор», «кулинария, праздники», «искусство», «праздники, семейный уклад, обычаи, вера». Абсолютное большинство респондентов считают, что в современном мире элементы традиционной культуры отсутствуют – 62,8%. В других вариациях процентное соотношение незначительно: «праздники и традиции» – 2,7%, а в оставшихся случаях – *Масленица* (1,8%) и по 0,8% приходится на другие перечисленные выше элементы традиционной этнической культуры. Наиболее конкретизированными являются ответы *Масленица, Пасха, Новый год, никах*, менталитет, блюда традиционной кухни (борщ, блины, каша, чак-чак). Любопытными, на наш взгляд, являются ответы респондентов, считающих элементами традиционной культуры шапку-ушанку, приготовление блинов, День славянской письменности и культуры.

Содержание традиционных праздников в представлении студенчества оказалось достаточно отвлечённым, поскольку в числе праздничных торжеств были упомянуты действия, не имеющие отношения к традиционной культуре, а именно День города, День защитника Отечества, День Победы, Татьянин день как праздник российского студенчества. Незнание традиционных праздников характерно для 23,1% участников мониторинга. Все приведённые ответы можно разделить на категории праздников православных, мусульманских и традиционных этнических верований. Среди православных праздников были отмечены *Пасха, Рождество Христово, Вербное воскресенье, День святителя Николая, Крещение Господне и Троица*. В числе мусульманских праздничных действий респонденты выделили *Курбан-байрам, Ураза-байрам, Рамадан, священный день пятница*. С традиционными торжествами были соотнесены праздники восточнославянские *Масленица, Колядки/Святки, Иван Купала*, иранский и тюркский *Навруз/Новруз/Наурыз*, тюркский *Сабантуй*, марийский *Семьк*, армянские *Вардавар* и *Терендез/Трндез*.

Несмотря на устойчивое мнение об отсутствии элементов традиционной культуры в современности и незнание традиционных праздничных действий и обрядов, респонденты с уверенностью заявляют, что отмечают традиционные праздники своего народа – 81% (80,2% делают это в семейном кругу, а 0,8% – вместе с друзьями). Не акцентируют своего внимания на подобных праздниках и не справляют 19% респондентов.

В числе народных традиций студенты, как и ранее, отметили праздники *Крещение Господне, Пасха, Рождество Христово, Ураза-байрам, Масленица, Иван Купала, Колядки, Навруз/Новруз/Наурыз* (15,9%). Наиболее востребованный ответ – *Масленица*. Незнакомыми народные традиции считают 55,7% респондентов.

Единый блок представляют ответы, фиксирующие традиции гостеприимства в качестве характерной черты народной культуры – «встречать гостей куличом» или «принимать гостей хлебом с солью» (4%). Также были представлены вариации ответов, связанные с традициями питания и народной кулинарии. Например, «печь куличи», «красить яйца», «готовить суманак на *Навруз*» – подобные тезисы получены от 6,4% респондентов.

Процентное соотношение прочих ответов незначительно, но варианты заслуживают соответствующих комментариев: «присесть на дорогу», «рукопожатие», «почтение и уважение к старшим», «танец лезгинка», «свадебная или поминальная обрядность» и многие другие. Для некоторых студентов традиция ассоциируется с праздничными действиями, например, с сожжением масленичного чучела и рождественскими гаданиями, а для других – это еженедельный поход в баню и соответствие моральным нормам/ценностям, привитым родителями с детства.

Традиционная кухня пользуется среди участников мониторинга большой популярностью. По мнению 73% респондентов, блюда народной кухни бывают представлены на столах «достаточно часто». 24,6% опрошенных считают, что такие блюда присутствуют во время домашних застолий, но редко. Только 2,4% отметили их отсутствие на домашних столах. Ответов от респондентов, где было указано, что блюда традиционной кухни им неизвестны, получено не было.

Вопрос мониторинга, подразумевающий характеристику определённых предметов и вещей, отражающих традиционную культуру конкретных этнических групп, позволил выделить предметы сакрального и профанного назначения. Большинство студентов считает, что подобные объекты в их собственной домашней обстановке не присутствуют – именно так думают 71,2% респондентов. Самостоятельный блок представляют предметы религиозного предназначения, то есть иконы, шамаили, священные книги, изречения, религиозные изображения – 7,4%. В числе профанных предметов наиболее популярными оказались такие ответы, как одежда и национальный костюм (вышитые рубашки, украшения, валенки), сувенирная

продукция (расписанная деревянная посуда, фигуры матрёшки, статуэтки), украшенные вышивкой изделия (скатерти, «бабушкины подушки»), столовые предметы, казан, ручная прялка, музыкальные инструменты.

Своими ответами молодые люди акцентировали внимание на собственной этнической идентичности. Так, для респондентов-украинцев особую ценность представляют книги, напечатанные на украинском языке, и *вишиванки*, то есть традиционные рубахи. Студенты-армяне выделили, прежде всего, изображение горы Арарат и предметы (иллюстрации, посуда), содержащие этническую орнаментацию и символику.

Среди нематериального воплощения традиции обучающимися было отмечено воспитание в контексте народной культуры и мировоззрения конкретной этнической группы. К традиционным объектам были приравнены и символы Российской Федерации – государственные герб и флаг.

Реконструкция, возрождение традиционной культуры и её элементов являются необходимыми для 77,5% респондентов. Отрицательно к этому относится 18,5% участников мониторинга, поскольку это «уже позабытое прошлое», а 2,4% склонны думать о сохранении традиции как о положительной тенденции. Всего 0,8% подразумевают под реконструкцией традиции сохранение исторической и культурной памяти. Затруднения в ответе вопрос вызвал у такого же числа участников мониторинга.

Ключевыми отличиями друг от друга разных этнических групп респонденты считают язык – 80,8%, традиции и уклад – 69,6%, черты характера и темперамент – 67,2%. Отсутствие каких-либо различий отмечают всего 4,8% респондентов, а затруднения данный вопрос произвёл среди 3,2% студентов.

Таким образом, представленный в статье опыт этнологического мониторинга позволил выделить и охарактеризовать идентичности студенчества регионального университета. Мониторинг проанализировал текущее сознание и представления студенческой молодёжи в вопросах идентичности и этничности. Диагностирование «настоящего» допускает воспроизводство потенциальных сценариев межэтнических и межкультурных коммуникаций, раскрывает трансформации и возможные риски в студенческой среде.

Результаты этнологического мониторинга продемонстрировали особенности современного состояния этнической и языковой идентичности студенческой молодёжи. Выявлено, как маркеры этничности и языковой идентификации сопряжены с этнической принадлежностью родителей и конкретной этнокультурной ситуацией. Материалы мониторинга позволили охарактеризовать заинтересованность респондентов в вопросах этничности, знании родного языка и традиционной культуры (праздники, народная кухня, предметы), значимых для удовлетворения этнокультурных запросов. Но не стоит забывать, что эти результаты актуальны для данной группы студенчества конкретного университета. В другом пространственно-территориальном измерении процессы самоидентификации и этнического сознания студенчества могут быть иными и даже противоположными.

Маркеры, идентифицирующие самосознание студенческой молодёжи и отражающие знания о традиционной культуре, языке и этничности содержат представления о наличии религиозных традиций в семьях, бытовании блюд народной кухни, что характерно для праздничных и семейных торжеств, об уровне сохранения и функционирования элементов традиционной этнической культуры в повседневности и во время праздников.

В целом процессам самоидентификации и этнического сознания студенческой молодёжи, представляющей разные этнические группы, свойственны единые механизмы. Результаты и материалы этнологического мониторинга полиэтничного и поликультурного пространства университета могут быть использованы на практике следующим образом:

- этнологический мониторинг позволяет объективно оценить этническую палитру студенчества и, учитывая конкретную специфику, установить партнёрство в рамках взаимоотношений «студент – студент» и «студент – преподаватель»;
- при организации учебного процесса дисциплин гуманитарного профиля (например, «Этнология», «Основы межэтнических коммуникаций», «Основы кросс-культурного взаимодействия», «История регионов и народов России» и других);
- итоги мониторинга могут быть учтены во внеучебной деятельности для планирования мероприятий и реализации проектов, направленных на профилактику межэтнических и межконфессиональных разногласий, ксенофобских настроений и различных форм интолерантного поведения;
- механизм проведения этнологического мониторинга и его результаты взаимосвязаны с научно-исследовательской деятельностью (публикация научной продукции по итогам мониторинга, учебно-методических материалов, а также тематика курсовых, дипломных и магистерских работ).

Направлением дальнейшего исследования идентичностей студенчества в рамках этнологического мониторинга могут выступить формы и виды визуализации идентичности среди молодёжи. Таковыми являются наличие вегикулярных маркеров/автомаркеров на студенческих автомобилях, демонстрирующих этническую, конфессиональную и территориальную самоидентификацию, или визуализация этничности в киберпространстве.

Список источников

1. Арутюнов С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012. 415 с.
2. Буганаев В. Я., Верник А. А., Ултургашев А. А. Народные праздники Хакасии. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1999. 76 с.
3. Галиева Ф. Г. Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г. // Вопросы истории. 2017. № 6. С. 146-153.
4. Галиева Ф. Г. Комсомольский праздник Семьёк у марийцев Башкирии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. Т. 4. № 1 (13). С. 15-19.
5. Данилова Е. Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127-134.

6. Малахова Л. П. Историческая грамотность молодёжи как основа гражданской идентичности и патриотизма // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (55). С. 159-164.
7. Медведев В. В., Малахова Л. П. Научно-методическое сопровождение процесса формирования гражданской идентичности студенческой молодёжи: технологии и результаты // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (58). С. 108-116.
8. Медведев В. В., Малахова Л. П. «Советизация» традиционной культуры чувашей в 20-30-е годы XX века // Научный диалог. 2018. № 3. С. 186-197.
9. Медведев В. В., Попов М. В. Культура – традиционная, этническая, современная: quid est hoc? // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 2. С. 30-35.
10. Потравная Е. В. Этнологический мониторинг проектов в управлении природопользованием // Экология. Экономика. Информатика. Серия «Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем». 2019. Т. 1. № 4. С. 39-44.
11. Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.
12. Тишков В. А. Этнологический мониторинг и раннее предупреждение конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2006. 24 с.
13. Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 81-87.
14. Шульга Е. П., Медведев В. В. Этническая идентичность студенчества: опыт этносоциологического опроса регионального университета // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 186-194.
15. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
16. Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 514 с.
17. Ягафова Е. А. Кёр сәри – «осеннее пиво» в традиционной и современной празднично-обрядовой культуре чувашей // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 154-166.

Regional Students' Ethno-Cultural Identity: Attempt of Ethnological Monitoring

Medvedev Vladislav Valentinovich, Ph. D. in History
Surgut State Pedagogical University
vlad.eto@mail.ru

The article for the first time reveals the potential of ethnological monitoring. The author describes an attempt of organizing student monitoring to identify problems of identity and ethno-cultural consciousness. Students' opinions on such issues as ethnical problems, competence in the native language and preservation of the ethnic culture were analysed. Relying on the findings, the author identifies the features of students' identity and describes their cultural practices. The conclusion is made that ethnological monitoring allows analysing the current state of students' ethno-cultural consciousness and reproducing potential scenarios of interethnic and crosscultural communications.

Key words and phrases: ethnological monitoring; interethnic communications; studentship; identity; ethnicity; cultural practices; traditional culture.